

Крокодил — эпизод 3 из 16

еще более возбуждали мое беспокойство и увлекли наконец всё мое внимание, так что я даже испугался... Скажу заранее странные сии восклицания были поняты мною совершенно превратно: мне показалось, что Елена Ивановна потеряла на мгновение рассудок, но тем не менее, желая отметить за погибель любезного ей Ивана Матвеича, предлагала, в виде следуемого ей удовлетворения, наказать крокодила розгами. А между тем она разумела совсем другое. Не без смущения озираясь на дверь, начал я упрашивать Елену Ивановну успокоиться и, главное, не употреблять щекотливого слова вспороть. Ибо такое ретроградное желание здесь, в самом сердце Пассажа и образованного общества, в двух шагах от той самой залы, где, может быть, в эту самую минуту господин Лавров читал публичную лекцию, не только было невозможно, но даже немыслимо и с минуты на минуту могло привлечь на нас свистки образованности и карикатуры г-на Степанова. К ужасу моему, я немедленно оказался прав в пугливых подозрениях моих: вдруг раздвинулась занавесь, отделявшая крокодилную от входной каморки, в которой собирали четвертаки, и на пороге показалась фигура с усами, с бородой и с фуражкой в руках, весьма сильно нагибавшаяся верхнею частью тела вперед и весьма предусмотрительно старавшаяся держать свои ноги за порогом крокодилной, чтоб сохранить за собой право не заплатить за вход.

Такое ретроградное желание, сударыня, сказал незнакомец, стараясь не перевалиться как-нибудь к нам и устоять за порогом, не делает чести вашему развитию и обуславливается недостатком фосфору в ваших мозгах. Вы немедленно будете освистаны в хронике прогресса и в сатирических листках наших...

Но он не закончил: опомнившийся хозяин, с ужасом увидев человека, говорящего в крокодилной и ничего за это не заплатившего, с яростию бросился на прогрессивного незнакомца и обоими кулаками вытолкнул его в шею. На минуту оба скрылись из глаз наших за занавесью, и тут только я наконец догадался, что вся кутерьма вышла из ничего; Елена Ивановна оказалась совершенно невинною: она отнюдь и не думала, как уже заметил я выше, подвергать крокодила ретроградному и унижительному наказанию розгами, а просто-запросто пожелала, чтоб ему только вспороли ножом брюхо и таким образом освободили из его внутренности Ивана Матвеича.

Как! ви хатит, чтоб мой крокодиль пропадиль! завопил вбежавший опять хозяин, нетт, пускай ваш муж сперва пропадиль, а потом крокодиль!.. Мейн фатер показаль крокодиль, мейн grosфатер показаль крокодиль, мейн зон

будет показать крокодилъ, и я будет показать крокодилъ! Все будут показать крокодилъ! Я ганц Европа известен, а ви неизвестен ганц Европа и мне платит штраф.

Я, я! подхватила злобная немка, ми вас не пускайт, штраф, когда Карльхен лопаль!

Да и бесполезно вспарывать, спокойно прибавил я, желая отвлечь Елену Ивановну поскорее домой, ибо наш милый Иван Матвеич, по всей вероятности, парит, теперь где-нибудь в эмпиреях.

Друг мой, раздался в эту минуту совершенно, неожиданно голос Ивана Матвеича, изумивший нас до крайности, друг мой, мое мнение действовать прямо через контору надзирателя, ибо немец без помощи полиции не поймет истины.

Эти слова, высказанные твердо, с весом и выражавшие присутствие духа необыкновенное, сначала до того изумили нас, что мы все отказались было верить ушам нашим. Но, разумеется, тотчас же подбежали к крокодильному ящику и столько же с благоговением, сколько и с недоверчивостью слушали несчастного узника. Голос его был заглушенный, тоненький и даже крикливый, как будто выходивший из значительного от нас отдаления.

Похоже было на то, когда какой-либо шутник, уходя в другую комнату и закрыв рот обыкновенной спальной подушкой, начинает кричать, желая представить оставшейся в другой комнате публике, как перекликаются два мужика в пустыне или будучи разделены между собою глубоким оврагом, что я имел удовольствие слышать однажды у моих знакомых на святках.

Иван Матвеич, друг мой, итак, ты жив! лепетала Елена Ивановна.

Жив и здоров, отвечал Иван Матвеич, и благодаря всевышнего проглочен без всякого повреждения. Беспокоюсь же единственно о том, как взглянет на сей эпизод начальство; ибо, получив билет за границу, угодил в крокодила, что даже и неостроумно...

Но, друг мой, не заботься об остроумии; прежде всего надобно тебя отсюда как-нибудь выковырять, прервала Елена Ивановна.

Ковыряйт! вскричал хозяин, я не дам ковыряйт крокодилъ. Теперь публикум будет ошень больше ходиль, а я буду фуфциг копеек просиль, и Карльхен перестанет лопаль.